

НЕ ПОПДАВАЙСЯ
ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

ЧЁРНЫЙ
ВОЛК

Мария Петрова

Мария Петрова

Чёрный волк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69213979

SelfPub; 2023

Аннотация

После тяжелых времен, полных болью, страданиями и большим количеством потерь, человечество открывает для себя новый способ существования. Последние события изменили их жизнь и взгляды, даже обычные чувства стали весьма сомнительны в привычном обществе. С самого рождения люди не должны чувствовать ничего, кроме инстинкта выживания и самозащиты, но есть и избранные, в которых мир как раз очень нуждался. Но избранным, как правило, тяжелее всего, хотя бы потому что именно на них приходится самая тяжкая ноша, и это даже не спасение мира, не ведение войн, а просто способность мыслить отлично от других, чувствовать все иначе.

Содержание

I	4
II	23
III	37
IV	42

Мария Петрова

Чёрный волк

I

У госпожи Розалиции не столь бледные руки, сколько молочного оттенка глаза, с всегда припухшими веками, с густыми черными ресницами. Головой она всегда отдыхала, прозрачный взгляд был задумчив и устремлен в распахнутое белое окно, ее не пугал убийственный свет белоснежного снега, она им наслаждалась, руки делали свою работу. Резко и четко, с приятным скрипом, тоненькими наконечниками инструментов прорисовывались силуэты рук и крыльев бабочки. Клеймо на обратной стороне часов всегда было таким точным и одинаковым, что мурашки шли.

В углу тихо сидел щегол. Розалиция давно о нем забыла, но он в человеческом тепле и не нуждался, он давно привык к холоду. Закусав посиневшие от мороза с улицы губы, женщина сняла с пальцев кольца из чистого серебра и положила на самый край небольшого стола, что они едва не упали с него. Начиналась самая тяжелая работа – сборка. Сборщик часов умер на прошлой неделе от гайморита, и теперь этот нелегкий труд достался бедняжке Розалиции. Скрипя зубами, то ли от злости на глупого коллегу, по глупости забро-

сившего лечение, то ли на начавшие дрожать пальцы рук, она берет мельчайшие шестеренки, насаживает на край потемневшей иглы и осторожно вставляет с хрупкий механизм.

Серафима не дышит. Розалиция относилась к ней очень хорошо, но мешать процессу ей не хотелось. Несмотря на приобретенную слепоту, госпожа не стала лучше в других чувствах, ни в осязательных способностях, ни слуховых. Тем не менее, в неожиданных ситуациях она отлично справлялась с мечом, буквально чувствуя противников, все так же хорошо и качественно выполняла гравировки на заказных часах и артефактах. Холод помогал рукам чувствовать тонус и не делать лишних движений. После Великого Потопа и появления Новой Земли, получившей название Вакадонский континент, наступила бесконечная зима. Все равно что ледниковый период. Природа подстраивалась под новый суровый климат, человек – не очень. На других оставшихся континентах и землях творился хаос, жизнь приобретала новые формы, и была близка к зарождению интеллекта. В мастерской Розалиции было спокойно, здесь только деревянный стол без покрытия и два стула. Розалиция обычно молчалива, когда занята, но на вопрос ответит, даже если он совсем глупый и неуместный. Она любила детей и воспитанников за просто так, для ее любви не нужно было делать особых заслуг, но Серафима странным образом завоевал еще и доверие Холодной Госпожи. Не часто она дает смотреть на процесс создания гравировки.

– Госпожа, Вы помните свою семью? – внезапно спросила Серафима. Розалиция даже не моргнула.

– Нет, не помню, – без пара изо рта нежным голосом ответила она. Было видно, как заледенели пальцы и устали руки, но она продолжала работу. – Процесс старения во мне остановили еще восемьдесят лет назад, когда я стала потенциальной претенденткой на преподавательство в академии. Я не помню бывших учителей и наставника, не помню имя возлюбленного, в общем, всего, что могло бы ранить меня сейчас. Научиться забывать все раз и навсегда – адский труд, но зато как облегчает существование.

Серафима улыбнулась.

– Существование... звучит как-то очень грустно.

– А веселого в нашей жизни мало, дитя, – наконец, закончив работу и защелкнув крышку часов, она глубоко вздохнула и откинулась на спинку стула. – Понятие веселья умерло еще очень давно, откуда же тогда берется грусть, если это противоположности?

Серафима задумалась.

– Наверное, это навязано.

– Не уходи от ответа, – строго ответила Розалиция, и поднялась со стула, скидывая тяжелую меховую накидку всего с парой больших пуговиц. – В веселье никогда не было ничего постыдного, когда этому было время и возможность.

В длинном коричневатом платье она смотрелась такой тонкой, с идеальной фигурой, белоснежными длинными ру-

ками, редко дышащими без перчаток. Прогресс, все-таки, двинулся назад, хотя обычно Серафима не думала об этом.

– Через пару десятилетий кончится спокойная жизнь, когда ящеры обретут разум.

– И что будет тогда?

– Ты этого боишься? – Розалиция захлопнула со звоном окно, в помещение стало темнее. В стекло сыпнул пучок снега. – Как интересно, раньше я не видела в тебе уязвимых качеств, – улыбнулась она, едва ли не божественно. Серафима отвела взгляд и поерзала на стуле. – Иногда я вижу пламя в твоём сердце, ты не равнодушна, и это, несомненно, вызвано любовью, без любви не будет и страха, но что дало тому начало?

– Вероятно, свобода?

– Ты спрашиваешь или утверждаешь? – Розалиция нахмурилась.

– Наверное, утверждаю.

– Что хорошего ты увидела в свободе?

Не так давно секретный проект коснулся и Серафимы. Каждое десятилетие главкомиссия выбирает пару-тройку учеников, выходящих на сложнейшие задания академии, и имеющих доступ к параллельным мирам, где Земля подверглась изменениям, где не родился Джобс или Кеннеди, не было любой войны, тех или иных ошибок или открытий. Миллионы вариаций, отличающих и кардинально искажающих понимание о мире и существование. Везде была разная фи-

лософия, физика, люди, и каждый мир был не похож на другой. Отряд или пара отличившихся учеников путешествует и выполняет задания, никак не влияя на историю и события миров, но в каждой из параллельных реальностей есть артефакт, настолько сыгравший роль в данном измерении, что его сила и значение так велики, что даже самая маленькая и примитивная вещица может в последствии стать предметом для перемещения в реальности. Вся сила вселенной будет нацелена на один предмет, который в итоге выброшен на помойку или перепродан арабским странам. Поиском этих предметов и занимается спецгруппа, чтобы в последствие из них изготавливались приборы, чаще всего часы или компасы, для перемещения в пространстве. Не всегда это что-то очевидное и легкое, но думать пока приходится только профессорам.

– Недавно я была в таком месте, где была идеализирована зима: все люди вставали на фоне огромных снежных фигур и улыбались, глядя в фотоаппараты разных размеров. Они были по-разному одеты, все красивые и нарядные, и такие счастливые, будто происходит великое чудо. Я никак не могла понять, чему они радуются. Я до сих пор не понимаю. Потом я нашла очень старый жилой район, словно забытое богом место. Но люди там не страдали, они были рады безделью и своей никчемной жизни. Разве не это свобода? Когда тебе не нужно сворачивать горы и к чему-то стремиться? Когда все тебя устраивает.

Розалиция изумленно подняла брови.

– Тебе не нравится то, что ты делаешь?

– Совсем наоборот, мне нравится моя жизнь, и то, что я делаю.

– Ты ошиблась кое в чем, Серафима.

– В чем же?

– Свобода – это трясина, из которой невозможно выбраться. Это ворота ада, сладкая ложь, после которой следуют многовековые мучения, чтобы снова начать жить через боль, дисциплину и многочисленные потери. Свобода порождает смертность. А такого допускать нельзя. Ты удивительная, тебе не нужно ничего объяснять, и ты очень умна, но не всегда на правильном пути.

– Правда? Для меня честь слышать это от Вас.

– Почему? Я ведь не сказала ничего хорошего.

– Зато Вы честны, как наставник, и направляете меня на путь истины.

Розалиция нахмурилась в замешательстве.

– Ты умный ребенок, просто думай поменьше, и будет тебе счастье. Пойдем, тебе нужно согреться.

Взяв уже собранную сумку с инструментами и часы в хлопковой салфетке, Розалиция накинула на плечи накидку и открыла дубовую дверь.

– Скоро будет новое задание для тебя.

– Жду с нетерпением.

– Доктор!

Седоволосый мужчина давится холодным чаем и бросает взгляд на выросшую из ниоткуда стоящую рядом фигуру. Фигура с досадой медленно отводит взгляд и вытирает и без того сухие губы.

– Ну сколько раз повторять, я пугаюсь, когда Вы так бесшумно подходите!

– Это мои проблемы? – грубым голосом спрашивает Чехарда и захлопывает со звоном стеклянный шкаф с посудой, отчего доктор со страхом вздрагивает. – Госпожа Розалиция созывает экстренное собрание в западном зале в восемнадцать часов.

– Это же через двадцать минут.

– Неужели? Я думала, в лес сходить успею! – саркастично взвывается Чехарда и без раздумий уверенно идет к двери. – Человеку сто с лишним лет, а ведет себя как ребенок, – бубнит она себе под нос и удаляется.

В западном зале тепло, на полу лежит линолеум, расставлены мягкие стулья с зеленой бархатной обивкой. Зал был предназначен для детей, поэтому по стенам, за колоннами, стояли исторические артефакты, не действующие сейчас.

Последней в зал входит профессор Чехарда, яростно выстукивая тяжелыми сапогами до своего места в первом ряду, и внезапно, с ужасом для себя, понимает, что уже как минуту идет собрание, а директора все нет. Она смотрит по сторонам – ни духу, ни слуху. Генерал Чехарда волнуется. Генерал

Чехарда в замешательстве.

Преподавательский состав тихо переговаривается, все ждут Розалицию.

Внезапно двери противоположной стены, которые не открывались с момента открытия школы распахиваются, и из них со строгим лицом и недобро открытыми глазами выходит директор в белом платье с нежно-фиолетовыми деталями, за ней заместитель, высокий, умнейший и настолько же хитрейший, но покорный господин Верховский и двое неизвестных. Их вид настораживает, но, судя по выражениям лиц, директор уже ударила их по рукам.

– Прошу прощения за задержку и внезапное собрание, господа, – с ходу начинает Розалиция, ей отвечают молчаливыми кивками приветствия, – у нас экстренный случай, в буквальном смысле исторический и на редкость вопиющий! – с возмущением восклицает она.

Воцарилось молчание.

– Если оставить негодование, и перейти сразу к делу, – начал Верховский, – мы столкнулись с совершенно новой, неизвестной ранее проблемой. Как вам должно быть известно, продукты, изготавливаемые академией неоспоримо уникальны, они вечные и нестареющие, но у этих двух путешественников, одних и покупателей, приобрётших модель карманных часов приблизительно два столетия назад, произошел некоторый конфуз – часы остановились.

Повисла мертвая тишина.

– Это невозможно! – донеслось откуда-то.

– Вполне возможно, – ответила директор, – часы были собраны, когда тогдашний состав был даже близко не похож на нынешний, тактика была совсем другая, методы сборки тоже.

– Позвольте поинтересоваться, как вам это удалось?

Путешественники в светоотражающих костюмах переменились с ноги на ногу. Один было открыл рот, но сжался и не стал.

– Наши юные гости утверждают, что поломку они заметили тогда, когда стрелки часов остановились на цифре десять, все разом. Поломку механизма понять будет сложно. Нужно решить, что делать с молодыми людьми и часами.

Поднялся гам, его быстро осек заместитель. Розалиция озадаченно покусала тонкие губы.

– Значит этим выдадим современную версию, эти изучим, – она поднялась с места, – решение директора безапелляционно и неоспоримо, надеюсь, все это помнят и все это знают, хорошего вечера, господа.

Заместитель двинулся за ней, двое молодых тоже, преподавательский состав стал в ужасе расходиться с мест.

На изучение старинных часов понадобилась неделя, за это время их собрали и разобрали несколько раз, оставили в разобранном виде, перечитали заархивированные данные о старых сборках артефактов и всевозможные музейные данные, сохранившиеся от прошлого директора.

Из всей сделанной работы можно было точно сделать вывод, что поломка именно в сердце часов, в том месте, где заложен артефакт, утратил ли он свою значимость или были внешние источники проблемы – сказать точно не удастся. Сложность починки будет в том, что завести часы получится, только найдя настолько же мощный и влиятельный на историю мира предмет, переплавить и внедрить в часы.

– Госпожа Розалиция, позвольте спросить, – начала как-то Чехарда, – дело ведь почти невыполнимое, почему Вы взялись за него?

Розалиция отпила еловый чай и улыбнулась.

– Тот, кто занимается сверхурочно всегда на шаг впереди массы.

– Что значит «массы»? У нас могут быть соперники?

– Они уже есть. Наша задача развиваться, возможно, это знак к тому, нужно вспомнить старое и заняться изготовлением более сложных и надежных моделей.

– Знаки... знаки, знаки...

Чехарда слишком много думала о смысле жизни и о том, как жить, поэтому не нравилась Розалиции. А вот Верховский ей очень даже нравился.

– Тем не менее, госпожа, нужен очень важный предмет. Кто сможет его найти?

– Ясное дело! Серафима!

Верховский закатил глаза.

– Что ты глаза закатываешь? Она умная девочка.

– Она не то что умная, она золотая, таких больше не будет, не жалко?

– Не, она справится.

– Чехарда, выйди.

Чехарда скорчила рожу Верховскому и вышла, хлопнув дверью.

– Буду с тобой честным, искать артефакт придется в том же времени, в двадцать первом веке.

– Фу, самое сложное время.

– Вот именно. Артефактов там несчетное количество, я даже приблизительно сказать не могу, сколько попыток нам предстоит.

– Ты думаешь, искать нужно будет именно в то самое время? Не после?

– После уже ничего нет.

– Совсем?

– Я профессор исторического факультета, ты со мной спорить будешь?

– Не повышай на меня голос.

– Я не повышал. Розалиция, Серафима лучшая в этой академии, нельзя допустить того, чтобы она потерялась в этом времени, оно ведь такое...

– ...свободное. Я знаю. Она уже была там, и знаешь, ее хватило почувствовать свободу.

– И это отвратительно! Как это могло случиться?!

– Ошибка преподавателей.

– Ей нельзя работать с обычными учителями и учиться с обычными детьми, – взвыл Верховский. – Завтра же, *завтра* она перейдет на особый уровень образования, я дам ей ключ от библиотеки, пусть хоть поселится там.

– Ей это уже не интересно, дай доступ к запретным отделам.

– Знаешь, чем опасны гении? Они рано все узнают и им становится скучно жить.

– Фу, душнишь.

Верховский выпучил на нее глаза, как хорошо, что Розалиция этого не видела, или просто не хотела. Она допила чай и встала из-за стола.

– Во вторник, в понедельник не надо, соберите собрание лучших из лучших, всех часовщиков, на нем и решим, отправится Серафима в злосчастное время или нет.

– Да, госпожа директор.

Когда в дверях актового зала появился заместитель, Серафима показывала однокласснице, как правильно играть на виолончели, не умолкая о самоучителе и в то же время о репетиторстве.

«И как только она полюбилась Розалиции? – шел и думал Верховский. – Такая неугомонная и в то же время спокойная девчонка»

Увидев человека с брошью бабочки, хоть и бесконечно нежной, но явно клеймом, Серафима стала в миг серьезней.

Она встала со стула и спустилась к профессору.

– Твое имя Серафима Гончарова?

– Да.

– Меня зовут Виктор Верховский, я заместитель директора, в 16:40 по башенным часам будет плановое собрание, и ты в нем участвуешь. Разглашению информация не подлежит, я за тобой приду за двадцать минут для начала. Оденься красиво. Веди себя подобающе, будь готова отвечать на вопросы. Вопросы будут?

– На какую тему собрание?

– Это сверхсекретно, – сказал он, понизив голос и нагнувшись к лицу Серафимы. – Никому не говори.

– Поняла.

– Продолжай заниматься своими делами.

Серафима на негнущихся ногах вернулась на сцену и как ни в чем не бывало продолжила тараторить про ее бывшего учителя и как он умер от пореза о гвоздь, случайно оказавшийся в тарелке с супом.

Черные тучи сгущались над академией, где-то вдалеке валил снег. Близилась буря. Буря над человечеством.

Между тем среди преподавателей начинали ходить очень несмелые, пока только зарождающиеся слухи о скорой смене директора, и неизвестно, кем. О Серафиме знал далеко не каждый, вернее, о ее потенциале, каждый, кто был в составе спецгруппы, гарантировано имел место в главкомиссии (если выживет). Главкомиссия – это не учителя, они и рядом

не стоят, это люди, которые составляют программу для учеников, их распорядок дня, заведующие по жизни академии от прикорма северных оленей до отопления крепости. Это главы всего и вся, они решают жизнь.

– Ты не боишься предателей? – спросил Верховский.

– А чего мне их бояться? Они уже есть? – спросила будничным тоном Розалиция. Она прекрасно знала, что их уже клан.

– Имеются. Знаешь, мы стоим в очень противоречивом положении. Я тут подумал...

– Расскажешь это всем на собрании, я разрешаю.

Темнело. В полумраке комнаты Серафима расчесывала волосы, недовольным лицом глядя на себя в зеркало. У нее было только одно выходное платье, и еще одно школьное, но оно было из очень грубой ткани, и она его не носила, а на уроки ходила в брюках, что считалось дурным тоном. Половина вещей были мужскими, они ей достались от прошлого хозяина комнаты, а выбросить не поднималась рука. Комната девочки была на одного человека, некогда бывший хозяин тоже был любимцем часовщиков, и вскоре выбросился из окна. Все его вещи говорили о том, что даже для него самого это было неожиданностью. Он был добрым парнем, который любил жизнь и свое дело. Одним из темных моментов в истории Серафимы была та схожесть с бывшим жильцом, которая настораживала до ужаса Розалицию. Почти все вещи Серафиме понравились, она оставила их себе. Она никак

не давала умереть спокойно тому парню, наоборот, пустила часть его души к себе, приукрасила и живет припеваючи! Не было в этом ничего ужасного, если так подумать, но было это странно.

От снега кожа казалась особенно белой, светлые волосы то и дело липли к лицу. Она была абсолютно белой, произведением искусства без единого изъяна. Но эта идеальная внешность самой же ей была ненавистна. Ей нравились контрасты: темные волосы и светлая кожа, светлая кожа и черные глаза, темная кожа – светлые волосы. Не любила Серафима однотонность.

В двадцать минут пятого в дверь постучались.

– Можно!

Верховский посмотрел на нее оценивающе сверху вниз.

– Откуда у тебя это платье?

– От сестры досталось, ей сшили подруги.

– А у тебя подруг нет?

– Нет.

Верховский пригляделся к ее лицу.

– А ярче глаза нечем сделать?

– Чем это?

– Туши нет?

– Нет.

– А теней?

– Нет.

– Румяна?

- Я на кого по-вашему похожа?
- Ты как со мной разговариваешь?
- Извините.
- Ты точно девочка?
- Частично.

Верховский строго на нее посмотрел, так строго, как не смотрел ни на кого.

– Идем, все уже в сборе, как раз подойдем к 40 минутам.

– Секунду, – Серафима скинула медвежьи тапочки и нацепила нежно-розовые туфли на низком каблуке.

– Теперь идем, не отставай.

Академия была большой, но не настолько, чтобы гениальный ребенок мог в ней потеряться.

– Мне кажется, я уже тут была.

В зале с колоннами было светло, расписанные потолки смотрели в душу.

– Возможно, во сне.

– А? Почему?

– Многим снится этот зал, и до того, как его закончили, он мучал многих художников, потом стихло.

– Какие еще паранормальные явления тут бывают?

– Если не считать болезни, которые уходят так же внезапно, как и приходят, то тут большая часть объяснима.

– А из необъяснимого?

– Кровяной дождь.

– Тот, что в одну ночь убил всех животных, растения, посадки и поселения?

– Да. Я видел его лишь раз, чудом выжил.

– Его можно предугадать?

– Можно, за три дня, но предотвратить – нет. Даже если мы обнаружим скорое приближение катастрофы, мы ничего не сможем сделать, кроме как укрыться от опасности. Урожай будет убит, припасов на всю академию не хватит.

– Господин Верховский, куда пропадают выпускники академии?

– Путешествуют по мирам в поисках лучшего для себя. Здесь их учат всему, что позволит сделать им правильный выбор. Как звали твою сестру?

– Меркл Гончарова.

– Плохо ее знал, но верю, она сейчас счастлива.

– Меня не особо это волнует, я ее не любила. Однажды она пришла ко мне, рассказал про родителей, отдала платье и ушла, больше я ее никогда не видела.

– Трудно осознавать, что тебе никто дорог не был, и тобой никто не дорожил.

– Нет. Любовь делает людей слабыми.

– Уязвимость – не значит слабость. Даже будучи уязвимым можно быть очень сильным и мощным.

Серафима замолчала на весь оставшийся путь.

Вокруг круглого стола сидели красиво одетые люди, не все их лица были знакомы. Помещение, в котором они сидели,

было не большим, со средними полупрозрачными окнами и без занавесок. Не лучшее место в академии – тревожное.

Серафиму посадили между заместителем и Розалицией. Заместитель долго что-то рассказывал и объяснял про случившуюся ситуацию, все внимательно его слушали. Розалиция легко ткнула Серафиму в бок и наклонилась к ее уху.

– Видишь мужчину в синем жилете, с бакенбардами и запонками с черным алмазом?

Серафима пробежалась глазами по присутствующим и нашла того человека.

– Он наставник Филдмана.

Илью Филдмана Серафима очень не любила. Он тоже был в спецгруппе, но везде ходил с напарницей, на редкость пафосной девицей. Розалиция посмеивалась над ними, и привлекала к тому же Серафиму, чтобы та не обижалась.

– Успех на нашей стороне.

– Я всегда это знала.

– ...ну, теперь самое главное, – Верховский тяжело вздохнул, – ни для кого из нас не секрет, что в академии есть крысы, точащие зуб на директора, – гости стали переглядываться друг с другом, – это не удивительно, но заставляет напрячься. Во избежание катастрофы или если сказать правильнее, трагедии, нужно найти нового кандидата на пост директора, при том, немедленно.

Господа загудели, их быстро осекли. Белая рука, облаченная в нежную кружевную перчатку директора, поднялась над

толпой и разом навела тишину.

– Как гласит кодекс академии, это не может быть бывший воспитанник или выпускник школы, это, непосредственно, ребенок.

Снова звенящая тишина.

– Вы же не хотите сказать, что единственный обнадеживающий член спецгруппы с размаху воссядет на трон директора академии? – спросила дама в голубом. – Нужно время.

– Мы еще ничего не решили, нужен ваш совет. Теперь я обращаюсь и к тебе, Серафима, – у Серафимы все внутри холодело, – шанса как этот не будет. От тебя зависит развитие часового мастерства, нужно найти важнейший артефакт, который заведет механизм, открывающий врата к гораздо большим возможностям. Мы сможем жить так, как не жили наши предки. Не обязательно брать власть сейчас на себя, но, если ты согласишься, дороги назад не будет, рано или поздно ты станешь директором.

– Дайте девочке срок, – снова вступилась женщина, – нельзя такие вещи решать впопыхах.

– Мы даем срок не ей, а нашим врагам, они не спят.

Серафима видела ровно столько, сколько Розалиция последние 70 лет. Перед глазами все плыло, в ушах шум. В этом моменте она застряла надолго. Уже неизвестно, насколько.

Станет Серафима директором сейчас или потом – никакой значимости нет, она была им рождена. Главное не исход, а путь, по которому ты идешь.

II

Утром воскресенья все девочки, как правило, отправлялись на занятия по рукоделию или на светские беседы, все, кроме одной. Мадам Эгги с отвращением смотрит на рьяно оставляющую на деревянном инвентаре зарубы железным мечем юную леди, вытирает руки о салфетку и отходит от окна.

– Зачем Вы вышли, госпожа? – спрашивает задолго до приближения директора Серафима, поднимая глаза на Розалицию. – Скоро начнется дождь.

– Никакие дожди и мечи не помогут тебе выжить в суровом 21-ом веке. Там все гораздо сложнее и серьезней, чем наша сегодняшняя жизнь, – она ловко вырывает меч из ослабленных рук, и вкалывает в землю около себя.

Серафима не раз задумывалась над тем, как можно так искусно выстругивать эмблему академии, видя ее восемьдесят лет назад несколько раз, идеально владеть мечем, ни разу не проиграв в бою, и при этом не быть не в силах самостоятельно передвигаться по академии? Причем, Розалиция ходила только по нескольким маршрутам, и кроме своего рабочего корпуса она особо нигде не находилась.

– А что тогда поможет?

– Хитрость, изворотливость и, как любили говорить тогда, критическое мышление.

– А, ну, за этим к Верховскому.

– В этом ты права, но разговаривать с ним на эту тему я не советую, он может до того заговорить про 21 век, что вообще больше путешествовать не будешь.

– Так бывает?

Розалиция слабо и задумчиво улыбнулась.

– Конечно, бывает.

Она пошла прочь от тренировочной площадки, прихватив с собой меч.

– Госпожа, Вы пошли не в ту сторону.

Ответа не последовало, Серафима направилась за ней.

Академию окружал лес, за ним был выкопан огромный ров, переплыть который было просто невозможно из-за бесконечных бурь. В лес детей не водили, там охотились только охотники на диких оленей и хищных тигров, которые, кстати, были саблезубыми. На входе в лес гаркнула седая ворона генерала Чехарды и, глухо взмахнув крыльями, унеслась вдаль.

– Зачем она так делает?

– Зачем Чехарда везде ставит охрану? Чтобы следить за тем, не войдут ли дети в лес.

– Ворона не смогла отличить директора от ребенка?

– Не называй Якова вороной, никогда. Иначе Чехарда больше не назовет тебя по имени.

– Не особо надо.

– Дай свои ножны.

– Вы забираете мой меч?

– Да, у него нет имени.

Серафима потерялась с ответом.

– Зачем мечу имя? Мы ведь даже не в Китае.

– Откуда ты знаешь, что в Китае давали имена мечам?

– Прочитала в книжке.

– Верховский все-таки открыл тебе доступ к запретным книгам, – она качнула головой, – а сам грозился вычеркнуть тебя из библиотечного списка. Отдай ножны.

Серафима надулась и отдала ножны.

– Ты что, левша?

– Да. Я владею двумя руками как правой.

– А бьешься почему левой?

Серафима не стала говорить, что у нее два меча, хотя Розалиция это и так знала.

– Удобнее атаковать. Все всегда думают, что ты правша и бьют как всегда.

– А кто эти все? У нас в академии мечем владеют десять человек, и то профессора.

Серафима замолчала.

– Профессор, я чего-то не понимаю, как Вы знаете все обо всем, видите, хотя это невозможно, а простых вещей объяснить не можете?

– Чего я не понимаю – я не вижу, а то, что подозреваю или могу объяснить и предсказать – я вижу. Я не спроста стала директором. Чтобы им быть, нужно иметь более тонкие чув-

ства, чем те, что присущи обычному человеку.

– Это например?

– Чтение мыслей.

– Это на грани фантастики.

– Вовсе нет, в наше время фантастики не существует. Люди, жившие за столетие до нас, стерли все понимание о фантастике, они стерли границы всего, что казалось невозможным. Если ты углубишься в историю начала 21-го века, что сделать необходимо, ты поймешь, насколько противен и гадок был человек.

– А что сейчас? Он изменился?

– Глобально. Он стал строже к себе, более вдумчивым и беспристрастным. Убить – значит убить, и ни секунды на раздумья. Он разучился любить, и поэтому мы все еще можем перемещаться в пространстве и времени.

– А на каком моменте истории он перестал любить?

– На момент постройки академии закалился характер, поверь, это было самое сложное за последние три сотни лет.

– Зачем тогда жить, если нечего любить?

– Смысл жизни, нашей жизни, не в любви.

– А в чем? В создание более хороших условий?

– Более хорошие условия приведут к известному исходу.

Смысл жизни в удобном существование, когда человек ищет идеальный для себя мир из множества тысяч вселенных и живет в свое удовольствие.

– Разве можно жить с удовольствием, не испытывая люб-

ви?

– Конечно. Серафима, если ты продолжишь так говорить, на тебя откроется межпространственная охота, ты живешь по философии именно того времени и тех людей, которых черти в аду боятся, – тетива свистнула, и холодная белая птица камнем упала с ветки высокого дерева. От неожиданности сердце Серафимы дрогнуло, она никак не могла предсказать, что Розалиция достанет лук. Она даже не знала, что он у нее есть. Зачем, черт возьми, слепой женщине может понадобиться лук? – Ты поэтому и уникальна, что мыслишь совсем иначе. Тех, кто мыслит иначе боятся и не любят. Поэтому у тебя один шанс, – она подошла и подняла мертвую птицу из снега, – стать директором академии.

– Это сможет уберечь меня от смерти?

– На некоторое время – да. Пока не появится новый претендент.

– Вы же не хотите сказать, что я должна Вас убить?

– Не надо залезать мне в голову. Это произойдет само, как распорядится судьба.

– То есть... мне все равно придется встать на Ваше место?

И для этого...

Розалиция пронизывающе посмотрела Серафиме в глаза, будто никогда и не была незрячей.

Вдалеке раздался хруст снега под копытами и знакомый голос. Розалиция не сказала ничего больше, хотя могла бы осечь.

– Ну я так и знала! – еще издали произнесла праздно Черда. – Серафима, джентльмены, она пусть гуляет. О, госпожа директор! – она помахала рукой, Розалиция улыбнулась. – Разворачиваемся.

Розалиция остановилась и дождалась, пока голоса стихнут. Как только в лесу воцарилась тишина, она молча повернулась и пошла в сторону академии. По дороге к школе она не сказала ни слова.

Уныние академических будней было не таким болезненным, когда в коридоре были слышны не затихающие дискуссии Серафимы с профессорами. На каждой перемене она забегала в кабинет директора с ощутимой улыбкой, загребала горсти конфет из вазочки себе в карманы, и улетала от одних только взглядов Верховского. «Ты не даешь ей высказаться, – говорила Розалиция, – вдруг ей надо поговорить». «Не надо ей поговорить» – шипел в ответ заместитель и продолжал заниматься своими делами.

В этот понедельник в школе было по-особому тихо. Бесшумные говорюны хихикали и болтали, маленькие неугомонные ученики визжали, взрослые и вдумчивые спорили о бесконечных теориях, но Серафимы слышно не было.

– Закрой дверь, – Верховский встал, и через секунду все звуки затихли. – Серафима боится того, что я умру.

– Мы это обсуждали. Мы не можем допустить того, чтобы у нее появилась слабость. Клонирование возможно, пересе-

ление в юношеский организм важнейших органов тоже, но это делает ее еще более одержимой и уязвимой.

– Я с тобой согласна, но черствость может сровнять ее со всеми. Она станет такой же, как и все. А мы видим в ней необычность.

– Это «необычность» в то же время и очень опасная. Скоро ей отправляться в 21 век, уже решено, какой год...

– ...какой?

– 2024.

– Нет! – Розалиция закрыла лицо руками.

– Там минимальное количество артефактов, профессор, ей там будет легче найти недостающие компоненты!

– Да плевала я на ваши часы! Мне все равно, пойдут они или нет! Мы рискуем жизнью будущего директора, мы не найдем другой такой! Будет миллион возможностей попасть в закрытые вселенные, но мы не должны рисковать жизнью и целостностью ребенка. Мы не то что не должны, мы не будем! Отправь свой отряд «Розовые сердца», выживут – их счастье, сделаем Серафиму директором... – она вдруг остановилась. – Да даже если не сделаем...

– Не стоит продолжать эту мысль, Розалиция.

– Я не имею ни малейшего представления, как нужно действовать в ближайшее время, – после долгого молчания, ответила она.

– Точнее?

– Я не знаю, что делать. Я совсем не знаю, что нам делать.

- Спросим у нее.
- Не сейчас, она обижена.
- На тебя что ли?
- Да.
- Кто ей разрешил?
- Мы все.

У одиноких во всем свои порядки: они сами решают, как будут жить, как устроят свое существование и как будут решать свои проблемы. Очень частой проблемой современных детей стало незнание того, чего они хотят в целом. Цели нет, желаний тоже. Серафиму очень волновал этот вопрос, не часто, но иногда она прибегала к медитациям, чтобы понять, чего она хочет и как действовать дальше.

Становиться директором, особенно в ближайшее время ей не особо хотелось, быть всегда дружной с директором и обращаться к ней как к матери в сложных жизненных ситуациях было уже ближе, но возможность того, что в скоро времени ее могут потерять безвозвратно, пугала до чертиков.

Неожиданно для себя Серафима пришла к мысли, что людей она не любит, ей бы бороться за жизнь, а не рукой водить да командовать. Зачем тогда становиться директором? Или возможно совмещать все свои желания?

Стук в директорскую дубовую дверь, даже за толстыми стенами был слышен спор без участия Розалиции.

- Тихо! – рявкнул Верховский. – Зайдите.

Серафима осторожно приоткрыла дверь и окинула взглядом всех собравшихся, людей с темными лицами в белых костюмах, она их сразу узнала, Верховский, сколько раз не заговаривал о них, порывался послать всех разом к чертям, как только увидит снова. Видимо, он уже это сделал.

– Это она? – спросил главный с цепью на шее.

– Какая разница? Любой тут предоставляет для вас опасность галактических масштабов.

Таким Верховского Серафима еще не видела. Но люди ему, почему, то, не верили, лишь ухмыльнулись.

Розалиция молчала, сложив ладони под подбородком, неподвижно, как ледяная скульптура, сверля белым взглядом пространство впереди себя.

– Выйдите немедленно, и, если объявитесь снова – будет отдан приказ боевому отряду стереть вас с лица бытия.

Все посмотрели на директора. Она лишь улыбнулась и качнула головой в бок.

– Директора у нас что надо, – проговорила она холодным голосом, леденящим кровь, – из года в год, из поколения в поколение, в какой бы срок вы не пришли сюда – получите от ворот поворот.

Главный темный фыркнул.

– У вас даже выражения тех времен.

– В этом суть, товарищи, – она развела руками, – если не хотите известного исхода, который, поверьте, вам сможет обеспечить каждый в этой академии, советую остановиться

сейчас и больше никогда не попадаться в поле зрения, – Розалиция раскрыла широко глаза, устремляя белые зрачки в душу главаря, пронизывая его сознания насквозь, – уж поверьте, я и без рук вам зубы на живую вырву.

Когда все вышли, Верховский походил кругами по кабинету, отпил малиновой жидкости из графина и сел недовольно на стул в углу.

– Нельзя было им этого говорить.

– Ничего страшного, Серафима знает, что с ними делать, – спокойно ответила Розалиция и повернулась к окну.

– Да, после такого все вопросы разом должны сняться.

– Я, кстати, за этим и пришла, – начала Серафима, – что, если я не хочу быть директором?

Розалиция посмотрела на нее немного мягче, чем на того человека в белом костюме. Верховский в углу тихо рвал волосы на голове.

– Ты им будешь.

– Хорошо. Можно я пойду?

– Да. Нет, стой. У тебя неделя на то, чтобы подготовиться к перемещению в 24 год. Мы все решили и задокументировали.

– А что по поводу должности?

– Об этом потом, но как только ты вернешься с успехом, ты официально станешь следующим директором в случае моей смерти.

– А смерть... все-таки не предотвратима?

– Серафима, – Верховский встал, – пойдём, есть, о чем поговорить.

На улице валил снег крупными хлопьями. По переходу в заброшенную часть академии не бродили даже заядлые искатели приключений, Серафима сама там ни разу не была. Несколько десятилетий назад заброшенный корпус стал местом одного из самых кровопролитных побоищ в истории академии, причиной чего был вышедший из-под контроля эксперимент, с тех пор инкубационные работы были прекращены.

Верховский остановился на середине перехода и оперся локтями о перила.

– Дальше не пойдём, – он долго молчал, лицо было напряжено. – Ты хотя бы предполагаешь, почему именно ты станешь директором?

– Нет.

– Потому что ты живая, и отличаешься от всех других мышлением, которое поможет справиться со всем, что уготовила академия.

– Я это уже слышала. Господин Верховский, Вы же меня понимаете, мы не сможем жить без Розалиции, есть же способы продлить ей жизнь или правила, позволяющие править без смерти предыдущего директора. Почему обязательно кто-то должен умереть?

– Потому что быть главным над подавляющей частью осознанных существ на Земле – значит принять жизнь и на-

учиться с ней жить. Розалиция тоже потеряла наставника, и никто ее к этому не готовил, никто не готовил ее к тому, что она станет директором. Это было во время бедствия, и, если бы старик-директор не умер заслуженной смертью, и академия не попала в руки Розалиции, неизвестно, что было бы с нами сейчас. Она боится, что ты станешь уязвимой из-за него, и она права. В чувствующих людях хорошо все, кроме того, что чувствуют они слишком много, – он распрямился и, заложив руки за спину, направился медленно обратно в академию. – Все мы смертны, все устаем от жизни, Розалицию не забудут, особенно с таким руководителем, как ты. Такова человеческая жизнь, мы все когда-нибудь умрем.

Классическая фраза. А Серафима чуть было не поверила в Верховского. Ее захлестнуло отчаяние, такое, что она чуть не решилась остаться в 21-ом веке, но вовремя взяла себя в руки.

За день до дня отправки она ни с кем не разговаривала, не пошла на уроки и день провела в лесу. Даже поговаривали, что сидя на ветке и подстреливая белок снизу.

– Серафима! – раздался недовольный голос за спиной. Девочка обернулась. – Я думала, ты хотя бы на земле сидишь! Слезай, скоро стемнеет.

– Как Вы меня нашли?

– Я слышу, как ты у себя в голове обругиваешь весь свет. Откуда ты только слова такие знаешь!

– Я хочу подстрелить черного волка. Когда я буду править в академии, тут все будут ходить в черном! Идите ко мне, только шубу снимите.

Розалиция беззвучно цокнула и в два счета оказалась на верхней ветке покачивающейся березы.

Облака прозрачной голубоватой решеткой исполосовали небо, скрывая тусклое вечернее солнце. Мимо пронеслась трехглазая полярная сова, самая опасная птица на территории академии (после Якова Чехарды, конечно). Розалиция выставила руку, сова сделала круг и села на плечо.

– Вы знакомы?

– Предвестница белой ночи. Черного волка сегодня не увидим.

Серафима прыснула от абсурдности сказанного.

– Конечно, он же черный, его никто никогда не видел.

– А ты уверена, что он не выдумка?

– Нет, Дина Едер сказала, он настоящий.

Дина Едер умерла через три года после выпуска из академии, избрав самое сложное из времен – где не родился Ленин. Так ли это опасно? Как оказалось, да. С виду все тот же 21-ый век, пусть даже и 22-ой, а детали не хватает. Все дневники и записи были спрятаны в тайном отделе библиотеки, с подробным описанием проблемы 21-го века, где все не так плохо и все на своих местах. Это называется истинная вселенная, все остальные – ответвления.

– О том, что ждет меня в том времени мне не сказал ни-

кто, даже те, кто, казалось бы, хотел мне добра. У меня только один вопрос, профессор, как так получилось, что я оказалась будто бы не тронутой жизнью, живя на равне со всеми в таких же условиях?

– Ты такой родилась. Ты с рождения видела мир под другим углом. Верховский заметил тебя еще пока ты была во младенчестве, он тогда только вошел в должность. Но это не помешало ему и всему коллективу воспитывать тебя, как и всех.

Серафима фыркнула.

– А если вы ошиблись, и я самая обычная девочка?

– Нет, мы не ошибаемся. Верховский никогда не ошибается.

Тетива свистнула и внизу взвизгнул волк.

– Проверь-ка.

Сова камнем вниз устремилась к земле, расправляя крылья над самой землей, потом взмыла вверх, звучно ухнула и снова улетела в неизвестном направлении.

– Да, это он.

– Погодите, а все директора умеют прыгать по деревьям?

– Вот вернешься из того времени – научу не только по деревьям прыгать.

III

Дневник мародера, будущего директора Вакадонской академии и члена спецгруппы, день первый.

Если все не документировать, никто не узнает о моем подвиге, как я о Дине Едер, ведь все это бесценный опыт.

Моей самой первой ошибкой было не взять с собой меч, с ним чувствуешь себя беззащитным, несмотря на то что реальность была довольно спокойной, без лишних людей, хотя это весьма субъективно, и все более-менее встает на свои места. Глядя на происходящее, в моей голове даже благодаря небольшим знаниям о конце света складывается понятная картинка, и устанавливается связь. В этом мире все объяснимо, если историки честны.

В первый день я обменяла серебряное ожерелье на двадцать тысяч местной валютой, но надолго мне этого не хватит. Заселилась в старом затхлом отеле, лучше бы осталась ночевать на улице, завтра придется искать новый ночлег. На улице пристала группа подростков, навыков боя не обнаружено, из-за неудобной одежды и отросших ногтей не смогли оказать достойного сопротивления, навредив самим себе, пришлось разобраться с каждым по отдельности, их не найдут.

Судя по слякоти и тусклому солнцу идет второй месяц весны, не исключено, что осени, тут все одинаковое. Отно-

сительно академическим условиям уличная температура высокая (10 градусов по Цельсия). Из-под грязных корок снега и льда видна твердая земля, рыхлой почвы почти нет. Напрашивается вывод, что конец света пошел на пользу, но не всем.

В магазинах разнообразный выбор полуфабрикатов и продуктов, не нуждающихся в приготовлении и даже термической обработки. Например: орехи, некоторые овощи, ягоды, зелень, кисломолочные продукты и др. Были найдены раритеты, о которых бредил Верховский: колбаса, пельмени, замороженные котлеты и куски пиццы.

Объектов культуры в данном городе не так много, на карте отмечена лишь меньшая часть. Повезло, что выкинуло не в Москву, разочаровываться боюсь. Хотя, если так подумать, мне, как человеку с нового континента уже жалеть нечего и не о чем.

Одна из самых больших проблем, до сих пор нерешенных, – это язык. У меня был пространственный адаптер, подстраивающийся под языки и сленги реальности, но он, как на зло, отказал в работе. Пришлось прикидываться глухонемой и до всего доходить через мычания и жесты.

Внешний вид людей вызывал и смех, и слезы. Я предполагала, что спустя столько лет мы подверглись мутациям, но чтобы настолько – представить было страшно. Средний рост ребенка 14-17 лет моего времени около 180 сантиметров, тут встречались и по 150. Радиация дело страшное. Болезни.

Розалиция бы плакала, если бы увидела, сколько тут больных детей. Чего только стоят те, с язвой на все лицо, красными гноящимися прыщами, низким ростом, непропорциональным строением тел. Причем, это встречалось лишь в некоторых поколениях. Дети от 0 до 7 лет были уже внешне здоровыми, это радовало.

На первый взгляд репутация населения не такая плохая, но в то же время удивительной кончину мира назвать было нельзя. За один день можно было понять многое, завтра встречусь с теми из нашего времени, кто тут давно, думаю, я их уже видела. На самом деле они тут в каждом районе.

Дневник Серафимы У-Кого-Делала-Ноготочки, день третий, будь проклят день второй.

С выпускниками академии мне удалось поговорить лишь на третий день. Уверена, в академии Верховский уже со мной попрощался. Ребята, Элен Смит и Льюис Паркер, сказали, что скорее всего артефакт находится во времени раньше, а здесь им может оказаться все что угодно. Начать предложили со столицы. И так я попала в Москву.

Задача стояла не из простых, я и понятия не имела, что ищу, ни малейшего. Единственное, я надеялась, что внутренняя сила потянет меня к этому объекту, так бывает, у избранных, нужно только верить.

Дневник подростка с топором день пятый.

Некоторые дни получаются пропущенными в связи со сложностями, которые мешают мне писать. В Москву я от-

правилась лишь ради того, чтобы набить себе карманы новыми деньгами (у банков 21-го столетия отвратительная система защиты, мне даже убивать никого не пришлось, это сыграло на руку ни одному поколению академических, которые будут там останавливаться, можно даже работу не искать...), потому что оказалось, что объект моих поисков на другом материке попивает бразильский кофе, привезенный на собственном грузовике. Экспедиция затянется.

Дневник... день шестой.

Я навела справки, немного покопавшись в истории и изрядно напрягая мозги. Оказывается, искать нужно не того, кто, казалось бы, истинная проблема (мужчина, писатель, который в следующем году издаст книгу, в которой раскрывает все тайны вселенной и проблем человечества), а его сына-вундеркинда, одного из немногих, кто сможет спастись в Роковые тридцатые (не иначе, все еще впереди), именно он подал отцу идею написать книгу, начать думать и пойти в политику. Жили они в Вашингтоне, не удивительно, правда? Осталось найти корень, не убью же я ребенка. Скорее всего, артефакт, как правило, это что-то неиспользуемое, а значит, старое, не нужное, и вещь. Что могло пробудить в ребенке высший разум приблизительно в 18-19-ом году?

Это все не так страшно, как встречный вопрос – зачем я назначила анонимную встречу с автором книги?

Дневник полного идиота, день десятый и последний.

Я изменила ход истории, Верховский меня убьет. Никто никогда за все времена существования академии этого не делал, это непозволительно и незаурядно настолько, что мне точно назначат смертную казнь в тот же день, как я вернусь.

IV

В академии мертвецкая тишина. В субботнюю ночь обычно открывали все окна в коридорах, чтобы наутро со свежей головой можно было отдохнуть и проветрить комнаты, но сейчас все было закрыто. Бледное лицо Верховского сияло под светом луны. Он не был зол, но его лицо с тревожным намеком выражало каплю смирения. Он смотрел на Серафиму с другого конца коридора.

На руках Розалиции не было перчаток, лишь красная лента находилась между пальцев. Серафима долго смотрела в ее бледное лицо, не пытаясь найти в них каплю жизни. Потом упала на колени и зарыдала. Ее маленький мирок – мастерская директора с ней самой уютным морозным вечером – перевернулся, нет больше в мире любви и спокойствия. Он станет холоднее смерти, холоднее самой суровой вечной зимы. В голове звучала лишь одна фраза: «Забери мое тепло».

– Она подстрелила его для тебя, – на колени Серафимы упала черная шкура волка. – Считай, что это было самоубийство.

– Она не могла!

Верховский грозно посмотрел на девочку.

– Ради тебя могла, – и удалился.

Вот тогда Серафима поняла, что теперь даже никакая шкура не согреет ее, единственный пламенный цветок, за-

ставлявший быть ее той самой увял, оставив после себя лишь уникальность, непонятную грубому миру и шкуру черного волка.